

СМЫСЛ И БЕЗМОЛВИЕ

Н. И. Киященко

DOI: 10.7256/1999-2793.2013.12.10317

НУЛЕВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ¹

Аннотация. Предметом исследования является феномен «нулевой идентичности», понятие, впервые репрезентированное в постмодернистской литературе. Слово «идентичность» и близкие по смыслу иные обозначения имеют длительную историю в качестве специальных терминов западной философии, от античной культуры до современной аналитической философии и фиксируют некую особость внутри несомненной множественности. Группы, которые сумели добиться какой-то сплоченности, возможно, выжили лучше, чем те, которые не сумели ее добиться. Все общества обладают «психосферой» (по Э. Тоффлеру), которая охватывает их идеи начиная от общности и идентичности. Таким образом, идея «принадлежности» или «общности» и акт идентификации с другими оказываются одной из фундаментальных скреп всех человеческих систем.

В ходе анализа использован методологический принцип герменевтического анализа текстов. Тексты других исследователей позволяют последовательно продвигаться к окончательной феноменологии «нулевой идентичности».

Автор дает критический анализ концепций, которые сложились вокруг данного понятия. Он полемизирует с другими исследователями, которые сводят «нулевую идентичность» к отсутствию содержания. Между тем понять данный феномен можно только через рассмотрение индивидуальной и групповой идентичности. В этом новизна подхода автора. Суть авторской концепции состоит в том, что нулевая идентичность не бессодержательна. Она может выражать распад индивидуальной и групповой идентичности, множественность идентичностей с эффектом пустоты и утрату самой потребности в самоидентификации.

Ключевые слова: этноцентризм, философия, идентичность, культура, религия, субкультура, маргинальность, национализм, мультикультурализм, психология.

Идентичность как антропологическая потребность

Известно, что в мире существует более 2000 языков, и все они чем-то непременно отличаются друг от друга. Культурная идентификация — самоощущение человека внутри конкретной культуры. Расовые, этнические, религиозные и иные формы дискриминации в конечном счете коренятся в эволюционной потребности индивида в определенных формах групповой идентификации. Слово «идентичность» и близкие по смыслу иные обозначения имеют длительную историю в качестве специальных терминов западной философии, от античной культуры до современной аналитической философии. Оно фиксирует некую особость внутри несомненной множественности. Группы, которые сумели

добиться какой-то сплоченности, возможно, выжили лучше, чем те, которые не сумели ее добиться. Все общества обладают тем, что американский футуролог Э. Тоффлер назвал «психосферой», которая охватывает их идеи начиная от общности и идентичности. Таким образом, идеи «принадлежности» или «общности» и акт идентификации с другими оказываются одной из фундаментальных скреп всех человеческих систем. Однако за последние десятилетия в философской литературе появилось и стало расхожим выражение «нулевая идентичность».

Можно ли помыслить отдельного человека или тот или иной этнос с нулевой идентичностью? По первому впечатлению, это абсолютно невозможно. Философы, которые ввели понятие самоидентификации в психологические и метафизические тексты, рассматривали данный механизм, прежде всего, как антропологиче-

¹ Статья написана при поддержке РФНФ, грант № 11-03-00599а «Проблема идентичности в современной культуре».

скую потребность человека. В частности, Эрик Эриксон полагал, что социализация индивида настоятельно требует включения целого ряда психологических процессов, которые в различные периоды жизни человека актуализируют процесс самопознания. Проходя стадии возрастного развития ребёнок, подросток, юноша оказываются перед неизбежностью: надо каким-то образом соотноситься с другими людьми, выработать внутренне устойчивый образ самого себя. Эриксон обратил внимание не только на формирование внутреннего устойчивого ядра личности, но и на распад такой самотождественной целостности.

Конечно, теоретически можно представить себе, что конкретный индивид умышленно уклоняется от самоопределения. Предположим, М. Ю. Лермонтов пишет: «Любил с начала жизни я. Угрюмое уединенье, Где укрывался весь в себя...». Это сознательное и манифестальное отделение себя от окружающего социума. Не являются ли данные строчки свидетельством ухода от людей, нежеланием сливаться с ними? Конечно, можно толковать мысль поэта в этом ключе. Но уход в добровольное заточение разве не является откликом за социальное принуждение? К тому лирический герой этого стихотворения остается зависимым от людского мнения. Вот продолжение этих строк: «... бояся, грусть не утая, Будить людское сожаленье...». Итак, с одной стороны, уход от социальных параметров, а с другой откровенная ориентация на реакцию тех, от кого поэт бежит в уединенье.

Продолжая развивать концепцию Э. Эриксона, Эрих Фромм обращается к философско-антропологической рефлексии. Он размышляет об этом механизме уже не как социальный философ: человек — социальное существо, он вынужден считаться с общественными нормами. Разумеется, воспитывая ребенка, родители пытаются адаптировать его к будущей жизни, раскрыть пути приношения к коллективным запросам. Если ребёнок избирает, условно говоря, вариант неконформизма, не соотносится с требованиями общества, уклоняется от принятых в данном обществе правил поведения, он сразу становится девиантным. Его ждут немалые неприятности, причем не только моральное отвержение. Он вступает на путь криминала и получает незамедлительное возмездие от карательных органов, бдительно следящих за сохранением традиций и правосознания.

Кроме писаных законов, в каждой культуре есть правила неписаные. Можно в общении продемонстрировать агрессию, накал страстей? Для представителя японской культуры это абсолютно невозможно. Подчеркнутая вежливость, деликатность спора в данном случае не регулируется законом. Это неписаное правило. Ни один японец не позволит себе в рамках спора, как говорится, «выйти из себя» и повысить голос. Однако при этом данное правило соблюдается неукоснительно. Такова принудительная сила любых традиций и правил.

Вот что пишет, к примеру, И. Л. Андреев: «В странах Западной Африки, где через саванну, протянувшуюся вдоль южной кромки. Сахары, протекает африканская Амазонка — величественная Конго, неотъемлемым персонажем тотемических и мифологических представлений выступает крокодил. Секретные ритуальные ассоциации нередко связаны с его культом. Многие африканки искренне верят, что их вторая душа находится в обитающей совсем недалеко крокодиле, которая выступает в роли их alter-Ego, наперсницы, защитницы, советчицы, тщательно скрытой от нежелательных чужих взоров духовной «половины»»¹.

Эта иллюстрация носит, безусловно, социальный и культурологический характер. Человек любой культуры остается заложником сложившихся в этой культуре поверий, традиций, ценностных норм и правовых установлений. Эти рассуждения характеризуют механизм идентичности с социально-философской точки зрения. Однако Э. Фромм развивает тему еще дальше. Он анализирует проблему через призму человеческой природы. Общество действительно может существовать только в том случае, если есть согласованность ее насельников. Иначе социум подвергается распаду, атомизации. Именно поэтому Фромм затрагивает еще одну сторону проблемы. Не только общество предъявляет свои императивы. Человек сам в силу антропологической данности тянется к самотождественности. Это его глубинная человеческая потребность. Если бы такой человеческой потребности не было бы в человеческой природе, общество не смогло бы принудить людей к коллективной жизни. Индивид сам склонен к мучительной и трудной идентичности. Он может смутно созна-

¹ Андреев И. Л. Тамтам созывает посвященных. Философские проблемы этнопсихологии. М., 2008. С. 189–190.

вать, что не все нормы, рожденные в обществе, хороши или комфортны. Порой они могут быть даже абсурдны. Однако индивид, порой незаметно для себя, входит в мир этих установлений и даже отождествляет себя с ними.

Американский писатель-фантаст Р. Шекли заостряет эту мысль до предела. Он рассказывает о некоей планете, где землянин встречается с поразительным обычаем. Каждый мужчина этой планеты считает необходимым получить право на страшную мучительную смерть. Он не только должен умереть, но обязан выбрать для себя самую достойную кончину, которая принесет ему чудовищные страдания. Этого требует обычай на этой планете. Землянину удастся вместе с местной девушкой выбраться из этого кошмара. Герой, наш представитель, вовсе не собирается подчиняться культу смерти. Он улетает вместе с любимой инопланетянкой, которая скрывает в одеждах кинжал, омытый ядом. Она хочет доставить любимому самое неизъяснимое блаженство, достойное мужчины — мучительную гибель¹

Известный социолог Эрик Хобсбаум, что столь известный феномен, как национализм обычно инициируется сверху. Иначе говоря, власть и социальные институты навязывают национальные представления и чувства людям данной страны. Однако нельзя, по мнению Хобсбаума, понять данный процесс, если не подойти к нему «снизу» Иначе говоря, не включив в сферу анализа убеждения, предрассудки, надежды, упования, интересы обычных людей. Причем эти коллективные представления не обязательно связаны с национализмом. Но тем не менее они его продуцируют, закрепляют. Э. Хобсбаум отмечает, что общественная жизнь, повсюду, хотя и неравномерно, структурирована по этническим линиям, и эта этничность «встречается» в различных повседневных обстоятельствах².

Чтобы приблизиться к скрытым механизмам идентичности, важно обратиться к групповой психологии. Это понятие используется также и в социологии, политологии, демографии. Без рассмотрения групповых процессов трудно судить, к примеру, о том, как реализует себя властолюбия, как обеспечивается политическая мо-

билизация, как кристаллизуются экономические интересы, в чем секреты мультикультурализма. Роберт Брубейкер полагает, что с точки зрения более широких результатов социальной теории неясная сила группизма поразительна³.

Этот автор сделал попытку свести в некую системность все многообразие определений идентичности:

1. Идентичность — это то, что все люди имеют, должны иметь или стремятся иметь.

2. Идентичность — то, что все группы (во всяком случае, группы определенного типа — например, этнические, расовые или национальные) имеют или должны иметь.

3. Идентичность — то, что люди (и группы) могут иметь, не зная об этом. В этом смысле идентичность — то, что открывают и относительно чего можно ошибаться. Сильная концепция идентичности, таким образом, аналогична марксистской теории класса.

4. Сильные понимания коллективной идентичности предполагают сильные понимания групповой ограниченности и однородности. Они предполагают высокие степени групповости, «идентичность» или тождество членов группы, четкую грань между внутренним и внешним⁴.

Утрата личной идентичности

Парадокс современного сознания состоит в том, что мощный запрос на самоидентичность сегодня испытывает напор крайне противоречивых тенденций. С одной стороны, культуры неуклонно сближаются друг с другом. Никогда в истории человечества не было столь интенсивных культурных контактов. Благодаря средствам массовой коммуникации люди на земле одновременно смотрят телевизионные новости, смотрят киноленты, созданные в других странах. Процессы миграции позволяют жителям Востока оказаться в европейских странах не только в качестве туристов, но в роли граждан данной державы. Индивид, который родился в юрте, имеет возможность получить высшее образование и повысить свой социальный статус. Но это еще не все. Если новоявленный специалист возвращается в то селение, где он жил, то он может соб-

¹ Шекли Р. Корпорация «Бессмертие». Рассказы. М., 2000.

² Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780. Cambridge, 1990. P. 10.

³ Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012. С. 24.

⁴ Там же. С. 82.

ственными знаниями, обретенными навыками изменить образ жизни данного этноса.

Процессы глобализации разворачиваются с предельной интенсивностью. Кто, к примеру, в начале XX века мог подумать, что процессы миграции примут столь глобальный характер. Это можно назвать великим переселением народов. Массовая культура стала всепланетной. Сложилась предугаданная в свое время канадским социологом Маршаллом Маклюэном «глобальная деревня».

Вместе с тем в условиях глобализации рушатся традиции, стойкие ориентации, возникает экзистенциальная пустота. Обостренное внимание к феномену идентичности парадоксально соседствует с процессом распада идентичности. Постмодернисты обозначают этот процесс как кризис идентификации. Они показывают, что сегодня индивид не располагает теми условиями, которые обеспечивали бы ему возможность адекватного и целостного восприятия самого себя. В современной философии появился специфический термин «кризис идентификации», который был предложен Дж. Уардом. По своему концептуальному смыслу этот термин сближается с понятием судьбы. В традиционной культуре самоидентичность выражала не только культурную самобытность. Она также указывала на историческую предназначенность. Но именно эта направленность идентичности обрушилась. О какой своеобразной судьбе можно вести речь, если современный индивид может впитывать в себя самые различные культурные образцы? Предпринимателю все равно, в какую одежду облачен работник, лишь бы приносил прибыль. Но самому работнику трудно сохранить влияние собственной культуры, когда различные ценностные системы накладываются друг на друга и создают нередко ощущение хаоса и противоречия.

Скажем, мусульманка осознает, что ее брак неудачен, поскольку он сложился не по любви, а по велению родителей. Супруги мучаются, хотят разводиться, но традиции не позволяют жене вернуться в родительский дом, а мужу — обзавестись новой семьей. Общественное мнение складывается в виде диктата. Но супруги видят, что люди другой культуры живут в другом ценностном пространстве. Представители чужого этноса не допускают ненужных страдания на почве брачного союза. Так, мусульманка оказывается на развилке: родители напоминают ей о ценности традиций, а реальная светская жизнь

предлагает руководствоваться другими установками. Так, по словам Ж.—Ф. Лиотара, рождается «монстр», который образовался благодаря переплетению радикально различных, но при этом абсолютно равноправных жизненных ориентиров и практических установок.

Утрата идентичности относится не только к судьбе отдельного человека, но и к современной ситуации в целом. Чем же обусловлен данный процесс? Ловушкой оказывается открытость индивида по отношению к другому. Но ведь именно через других разворачивается механизм идентичности. Однако индивида, который пытается построить коммуникацию, ждет разочарование. Там, где он рассчитывал отыскать содержание, оказывается пустота. В традиционном обществе общение предполагало личностное содержание. Но современный человек чаще всего имеет дело не с внутренним миром того, с кем имеет коммуникацию, а с его социальными ролями. Клерку супермаркета все равно, что определяет жизнь конкретного покупателя. Он рассматривает индивида, максимально дистанцируясь от его подлинных чувств, настроений. Его задача — обслужить покупателя. Вместо коммуникации возникает ее суррогат. Рекламные объявления пестрят сочетаниями типа «дорогие клиенты». Однако в каком смысле они «дорогие»? Разумеется, в том смысле, что приносят прибыль супермаркету.

Индивид, который рассчитывал на беседу, на заинтересованный разговор, на внимание к своей личности, наталкивается на безличные социальные роли. Вот пенсионерка сунула голову в окошечко журнального киоска. Она хочет все разузнать про журнальные новинки, обменяться жизненными наблюдениями, услышать подробности жизни. Но окружающие считают это праздною назойливостью, отсутствием такта и деловитости. Идентификация подменяется процессом позиционирования. Столкнувшись с кем либо на работе, на улице, в местах отдыха, люди понимают, что эти контакты носят временный и поверхностный характер. Поэтому они стараются дистанцироваться от других, не позволяют себе открытости, заинтересованности. Обилие интернет-контактов порождает еще более острое ощущение одиночества. При множестве знакомств трудно найти человека, который мог бы быть заинтересован в вашей судьбе. Коммуникация отныне упрощает интерфейс. Зато порождает безразличие людей друг

к другу и атомизацию общества. Коммуникация в сущности реализуется в сущности через единый мгновенный цикл.

Это позволило Жану Бодрийяру отметить особенности современной коммуникации. Безличное тиражируется и даже клонируется. Там, где индивид рассчитывал на встречу с индивидуальностью, обнаруживается безличный социальный статус. Произошла трансмутация всех ценностей, а также их диверсификация и запутанность. Происходит непрерывное вращение, закрученность спирали ценностей.

«Все подчиняется системе, пишет Ж. Бодрийяр, и в то же время ускользает от нее. Народы мира, которые делают вид, что ведут западный образ жизни, никогда до конца не принимают и втайне презирают его. Они остаются эксцентричными по отношению к этой системе ценностей. Их манера приобщения, их стремление зачастую быть более фанатичными поклонниками Запада, чем сами граждане западных стран, их подделки, изготавливаемые из останков века Просвещения прогресса, обладают всеми чертами пародии, обезьянничанья»¹.

В современных условиях отчетливо обнаруживает себя своеобразный феномен — «ретро-идентификация». Речь идет не о том, что в эпоху больших перемен рождается тоска по прошлому и оно идеализируется. Под «ретро-идентификацией» подразумевается возвращение к тем механизмам идентификации, которые были традиционны. Это возврат к первичным источникам идентичности. В частности, Мануэль Кастельс пишет: «В мире, где господствует столь неконтролируемые и беспорядочные изменения, люди склонны группироваться вокруг первичных источников идентичности: религиозных, этнических, территориальных, национальных»².

Натиск глобалистских тенденций вызывает множество неожиданных реакций. Так, локальные культуры преобразуют унифицирующие факторы. Они придают им собственную аранжировку, снабжают оттенками, которые подчас позволяют сохранить самобытность собственной культуры. Об этом свидетельствует феномен «японизации» или «тайванизации» традиционной китайской культуры, «африканизации» или «исламизации» западной культуры (в ЮАР или

Алжире). Так локальность отдельной культуры далеко не всегда связывается с национальными истоками. Объединяющим фактором могут оказаться музыкальные пристрастия или общность интеллектуальных предпочтений.

В классической философии центром, который обеспечивает целостность личности, считалось сознание. Оно и выполняло интегративную функцию. Отсюда твердое убеждение в том, что каждый индивид располагает целостным «Я». Именно эта психическая инстанция обеспечивает вменяемость личного поведения человека. Ответственность и зрелость индивида заложена в зрелой личности. Эту установку разделяла уже в XX веке эго-психология. Ее представители критиковали Фрейда за то, что он мало внимания уделил центрирующей роли Эго. Человек получает сигналы из сферы бессознательного, сверху над ним доминирует Супер-эго. Следовательно, разве виноват человек в том, что его бессознательное теснит разумность, а культурное и родительское программирование делает заложником сложившихся социальных представлений?

На эти вопросы представители эго-психологии отвечают: человек, безусловно, вменяем даже в этих крайних обстоятельствах. Но следует более основательно изучить ту психологическую инстанцию, которая называется «Я». Именно поэтому Э. Эриксон обосновал три значительных положения: 1) Он не отказался от проанализированных Фрейдом стадий психосексуального развития, в результате которых либидозная энергия направляется от аутоэротизма к внешнему объекту. Однако можно указать также на психологическое развитие самого «Я». Эти стадии как раз и характеризуют те значимые ориентиры, которые определяют отношение человека к самому себе и к социуму. 2) Э. Эриксон не согласился также с Фрейдом, который полагал, что зрелость человека обретается в связи с достижением генитальной сексуальности. Э. Эриксон же полагал, что Я испытывает преобразование на протяжении всей жизни. 3) Каждая стадия развития Я имеет собственные параметры развития, как положительные, так и отрицательные.

Однако социальная практика и философская мысль обнажили сначала кризис индивидуальной, а затем и коллективной идентичности. Выяснилось, к примеру, что мозг человека не имеет единого центра. Его структура весьма сложна. По сути дела, в нем есть несколько центров, управляющих поведением индивида.

¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006. С. 200.

² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2004. С. 14.

Затем появились серьезные работы, авторы которых по-новому стали осмысливать природу сознания и его функциональное предназначение. Опираясь на авторитетные мнения, они заявили, что сознание не продуцируется мозгом. Мыслит человек не мозгом. Анри Бергсон в книге «Я и тело» писал: «Мозг не орган мысли, чувств, сознания, но он то, что приковывает сознание, чувства, мысли к действительной жизни, заставляет их прислушиваться к действительным нуждам и делает их способными к полезному действию. Мозг, собственно, орган внимания к жизни, приношения к действительности»¹. О наличии «психонов», поступающих в мозг человека из мыслящего океана писала и Н. П. Бехтерева.

Еще больший эффект вызвала частичная расшифровка генома. Оказалось, что в генах содержится информация, которая неизбежно обуславливает и социальное поведение человека. Что же в таком случае остается от ответственного индивидуального разума, который, как предполагалось, центрирует поведение человека? Он оказывается фрагментарным и принципиально отлученным от всякой центрированности. Все это может характеризовать расшатанную индивидуальную идентичность. «Идентичность как способ сохранения самотождественности,— отмечает П. С. Гуревич, анахронизм. Зачем техноиду мучиться в поисках личностного ядра. Способность к преобразению, к утрате идентичности, принципиальное отсутствие стержня, удерживающее некое подобие целостности. Авантюра вечной трансформации. Переход от некто к нечто и наоборот. Кое-что подлежащее демонтажу и произвольной сборке (Совсем, как в песенной строчке: «Я тебя слепила из того, что было...»). Условное обозначение под названием тела, приговоренное к вечному распаду, расчленение и произвольному монтажу. Расчеловечивание человека. Отсутствие не только меры идентичности, но и приблизительного самоопределения»².

Кант считал, что целостность индивидуального сознания неизбежна, иначе оно существовать не может. Впав в соблазн разорванности, оно окажется не способным служить человеку. Ведь залогом зрелости индивида является его сознание, та психическая инстанция, которая называется «Я». Но как быть, если спустя два

века становится очевидным, что именно «Я» утрачивает цельность, распадается на множество фрагментов, которые никак не скоординированы и поэтому тащат человека в разные стороны? Не грозит ли это шизофренизацией сознания? Не приводит ли к исчезновению человека как особого рода сущего?

Распад идентичности провоцируется еще одним мощным фактором. Средства массовой информации увлекают человека в виртуальный мир, в мир иной, зеркальной действительности. Но виртуальное «Я» не является повторением «Я» реального. Оно разительно отличается от реального «Я». Человек погружается в сногободную культуру. В сфере грез, по существу, нет ничего невозможного. Здесь можно вообразить любую, самую неправдоподобную ситуацию. Но тогда индивидуальная идентичность оказывается призрачной, галлюцинаторной. Можно ли существовать в этой призрачной реальности? Оказывается, можно, если размыть собственную сущность, растворить присущую индивиду особость, отказаться от стойкого самоощущения, мешающего виртуальному бытию.

Социальная философия на протяжении многих столетий утверждала, что главная задача социума заключается в том, чтобы содействовать формированию личности. Предполагалось, что социум силен тем, что в нем главенствующее положение занимают зрелые и полноценные люди, обладающие духовностью, социальностью, ответственностью. Но это положение теперь подвергается критике. Целевое предназначение личности — установить адекватные отношения между «внутренним бытием» человека и его «внешним миром». Но если принять такое определение личности, то возникает вопрос о том, как соединить в этом понятии логически не приемлемые противоречия человеческого существования. Как обеспечить единство жизненных функций человеческого тела, психологический опыт и сферу сознания. Ведь во внешнем мире никаких коррелятов этим феноменам нет.

Проблема идентичности оказывается еще более драматичной, когда возникает образ «другого», без которого немислима наша собственная идентичность. Ведь именно «другие» корректируют в нашем сознании собственный человеческий абрис. Что происходит, если мы, испытывая трудности в определении своей сущности, приступаем к восприятию другой личности? Не удваивается ли при этом ошибочность пред-

¹ Бергсон А. Душа и тело // Ты и жизнь. 1921, 20 декабря.

² Гуревич П. С. Философская интерпретация человека. М., 2013. С. 361.

варительных умозаключений? Не возрастает ли «отклоненность» индивидуальной идентичности от изначальных параметров? Вот что пишет по этому поводу М. Л. Хорьков: «Именно поэтому другие личности не персонифицируются нами в своей непосредственной личной идентичности, основанной на их собственном опыте самих себя как личностей. В лучшем случае они являются для нас личностями в нормативном, но не в конститутивном (прежде всего, для нашего собственного опыта) смысле. С другой стороны, поскольку именно то, что я воспринимаю, как свою «личность» и что называю «моей личностью», находится и существует исключительно в сфере интересубъективности, т.е. индифферентно по отношению к моему неперсонифицируемому в сознании телесному опыту, то именно личность, причем моя личность, и есть то, что в качестве репрезентации моей индивидуальности всегда связано с всегда ассоциируется с моим, и ничьим другим, телом»¹.

Распад коллективной идентичности

В философской литературе давно уже сложился образ коллективной идентичности как результата совместного социального опыта, этнической или расовой идентичности. Предполагалось, что феномен стойкости коллективной практики обусловлен непрерывностью и закономерностью трудовой, политической, экономической, культурной деятельности. Соответственно базисные индивидуальные и групповые культурные привязанности рождались в совместной жизни. В наши дни «культурные идентичности (этнические, национальные, религиозные, цивилизационные) занимают центральное место, а союзы, антагонизмы и государственная политика складываются с учетом культурной близости и культурных различий»².

Многие исследователи считают, что основой формированию этнической границы являются социальная культурная дистанции.

¹ Хорьков М. Л. Личность, идентичность и история: к проблеме новой легитимности старых понятий // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия «Философия». 2013. № 2. С. 106.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка (отрывки из книги) // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 2. С. 142–143.

Огромную роль при этом играют культурные и языковые факторы этнической идентичности. Отличительной чертой любого этноса служит этническое самосознание. Оно находится под воздействием традиционных хозяйственных укладов.

Однако после исследований исторической антропологии стало ясно, что на формирование этнического самосознания влияют множественные факторы. К примеру, значительным средством формирования национальных обществ может служить музыка. Вот, скажем, французский композитор Даниэль Обер в 1828 писал оперу «Немой из Портичи». Естественно, он думал только о художественном воздействии этого произведения на общественное сознание. Однако постановка этой оперы в Брюсселе вызвала неожиданное формирование этнической идентичности. Данное событие оказало едва ли не прямое воздействие на революцию фламандцев и валлонцев против нидерландского короля Вильгельма I. Сформировалось мощное обнаружение антиголландского национализма. Этническое сплочение к образованию независимого государства, к закреплению бельгийского национального самосознания.

К. С. Шаров пишет по этому поводу: «Появление каждой нации можно идентифицировать по необыкновенному всплеску ее музыкальной культуры, которую уже современники расценивали как национальную. Ф. Лист в Венгрии возвестил начальное появление венгерской нации, которая, только сформировавшись, начала жить в нераздельной паре с австрийской, а Ф. Легар и И. Кальман ее «второе» рождение, причем пик их творчества приходится именно на ключевые моменты в процессе образования той нации — на 60-е годы XIX века, образование Австро-Венгрии, и начало XX, предвоенную и военную эпоху (развал Австро-Венгрии). Э. Григ одним-единственным «Пер-Гюнтом» придал легитимизацию понятию «норвежец» для мировой общественности. Ф. Шопен верил в том, что не выступления националистов-революционеров, а именно его музыка заставят русский царизм ретироваться из Польши»³.

Однако в современном мире этническая идентичность подверглась еще большим испы-

³ Шаров К. С. Музыка как средство формирования национальных сообществ. Автореф. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. М., 2005. С. 12–13.

таниям. Сегодня модернизационные процессы нивелируют культурные и иные различия, поскольку они вовлекают страны и этносы в единую взаимосвязанную систему политических и социально-экономических отношений. В то же время глобальные процессы активизируют искание традиционной идентичности. Миграционные процессы приводят к неоднородности популяций. Теперь многие страны вынуждены заново искать свою идентичность. «Кто мы?» задаются вопросом исследователи самых различных стран — США, Франции, Японии. Появляется понятие множественной идентичности. Рождается даже своеобразная политика идентичностей. Она включает в себя целый ряд социальных движений и теоретических установок. При этом актуализируется тематика этнорасовой, классовой, гендерной, сексуальной и религиозной маргинализации. Некоторые из прежних идентификаций утратили свою эмоциональную силу, в то время как новые ее приобрели.

Сегодня расовые, этнические и религиозные субкультуры в каждом обществе дробятся в свою очередь на более мелкие образования. Все большее число субкультур отпадает от господствующих ценностей общества. Те же самые центробежные процессы действуют внутри самих меньшинств.

Что касается расовых, этнических и религиозных подгрупп в каждом обществе, то они сегментируются на меньшие, более разнообразные мини-группы. Уже просто неверно считать чернокожих американцев гомогенной группой или включать в одну группу всех выходцев из Латинской Америки. Если говорить по существу, то меняется само понятие, конституирующее политически значимые меньшинства. Различия, которые раньше считались незначительными, приобретают культурное и политическое значение.

Не случайно мы становимся свидетелями агрессивной самоорганизации со стороны таких групп, как престарелые, страдающие физическими недостатками, гомосексуалы, ветераны войны, которые считают, что массовое общество несправедливо обходится с ними. Возникают новые идентификационные группы, и этот бурный социальный процесс получит решающее ускорение благодаря демассифицированным средствам массовой информации — специально адресованным публикациям, кабельному телевидению, спутникам связи, видеокассетам и т. п.

Кроме того, индивид оказывается все менее связан контекстом своего рождения и получает больше возможностей выбора в самоопределении. Конечно, мы по-прежнему рождаемся как члены семей и расовых групп, однако очевидно, что с нарастанием современных цивилизационных преобразований многие люди приобретут большую возможность в выборе культурной идентичности в соответствии с усилением индивидуальности и гетерогенности в новой социальной структуре. Заметно ускоряются отныне и темпы социальных и культурных изменений, так что идентификации, которые выбираются, становятся все более кратковременными. Новые формы самоотождествления накладываются на прежние, возможно, более глубоко укорененные, слои расовой и этнической идентичности.

Этническое сознание предполагает идентификацию индивида с историческим прошлым данной группы и акцентирует идею «корней». Миросозерцание этнической группы вырабатывается с помощью символов общего прошлого — мифов, легенд, святынь, эмблем. Эта культурно-историческая преемственность в жизни этноса — величина динамическая и переменная. Так, американские ирландцы представляют собой более поздний, своеобразный вариант ирландского этноса, сформировавшийся в особых экономических и политических обстоятельствах. Этот этнос обладает некоторыми собственными символами и историческими воспоминаниями, что отнюдь не колеблет этнического единства ирландцев по обе стороны океана.

Идея этноса включает представление о социокультурной групповой специфике, а также о физических и квазифизических отличительных признаках. Причем сознание «особенности», «непохожести» на других разделяется самими представителями данного этноса, а не только фиксируется посторонним взглядом. Этнос — категория соотносительная, лишенная смысла вне полиэтнической системы отношений. К примеру, понятие «датский этнос» наполняется конкретным социальным содержанием лишь в том случае, если рассматривать Западную Европу как некую единую систему, а Данию — как ее составную часть. Англичане представляют собой один из этносов Великобритании (этническое большинство) постольку, поскольку наряду с ними существуют шотландская, уэльская и ирландская этнические группы (меньшинства).

В этом смысле любую этническую культуру, независимо от ее масштабов и удельного веса, следует мыслить как субкультуру в рамках плюралистической культуры данного общества. Этнос не обязательно характеризуется единством территорий или кровным родством. Этнические группы крупнее кровнородственных и соседских групп, они более разбросаны и разветвлены. Народы диаспоры, подвергшиеся превратностям рассеяния, миграций, коллективного изгнания, сохраняют ярко выраженную этническую определенность даже в случае отсутствия исходной или новообразованной территориальной базы.

Общие выводы по статье:

Феномен «нулевой идентичности» не следует сводить к бессодержательности. Если он концептуален, тогда нет смысла для дальнейших рассуждений. Но понять данный феномен можно только через крушение индивидуальной и групповой идентичности. Тогда в нем проступает остаточная идентичность, имеющая смысловой характер.

Этнические категории обладают символической, эмблематической, знаковой природой как для сознания самих членов этнической группы,

так и для посторонних. Поэтому символические аспекты территориальной и языковой общности подчас оказываются существеннее реальных; например, Иерусалим как символ исторической родины евреев или мечта черных мусульман о создании собственной страны на землях Миссисипи или Алабамы.

Единство этноса опирается на целостность этнической структуры, на функционирование этнического «субобщества», общины. Этническая структура — это арена наглядного проявления и воплощения этнической культуры и текущей жизни. Ежедневный труд, соседские отношения, совместная религиозная практика, политическая активность, экономическое поведение, досуг и развлечения — все это может быть в той или иной степени формой культурной идентификации.

Таким образом, можно сказать, что феномен нулевой идентичности имеет множество смыслов и толкований. Он может выражать распад индивидуальной и групповой идентичности, множественность идентичностей с эффектом пустоты и утрату самой потребности в самостождественности.

Список литературы:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространения национализма. М., 2001.
2. Андреев И. Л. Тамтам созывает посвященных. Философские проблемы этнопсихологии. М., 2008.
3. Арутюнов С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.
4. Брубейкер Роджерс. Этничность без групп. М., 2012.
5. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М., 1998.
6. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
7. Гуревич П. С. Психология чрезвычайных ситуаций. М., 2007.
8. Гуревич П. С. Философская интерпретация человека. М., 2013.
9. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994.
10. Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1996.
11. Спирина Э. М. Философско-антропологическое содержание символа. М., 2011.
12. Тулмин Ст. Человеческое понимание М., 1984.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка (отрывки из книги) // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 2.
14. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб, 1998.
15. Хорьков М. Л. Личность, идентичность и история: к проблеме новой легитимности старых понятий // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия «Философия». 2013. № 2. С. 98–114.

References (transliteration):

1. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniya natsionalizma. M., 2001.
2. Andreev I. L. Tamtam sozyvaet posvyashchennykh. Filosofskie problemy etnopsikhologii. M., 2008.

3. Arutyunov S. A. Narody i kul'tury. Razvitie i vzaimodeistvie. M., 1989.
4. Brubeiker Rodzhers. Etnichnost» bez grupp. M., 2012.
5. Gachev G. D. Natsional'nye obrazy mira. M., 1998.
6. Gellner E. Natsii i natsionalizm. M., 1991.
7. Gurevich P. S. Psikhologiya chrezvychainykh situatsii. M., 2007.
8. Gurevich P. S. Filosofskaya interpretatsiya cheloveka. M., 2013.
9. Levi-Stros K. Pervobytnoe myshlenie. M., 1994.
10. Mets A. Musul'manskii renessans. M., 1996.
11. Spirova E. M. Filosofsko-antropologicheskoe sodержanie simvola. M., 2011.
12. Tulmin St. Chelovecheskoe ponimanie M., 1984.
13. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii i izmenenie mirovogo poryadka (otryvki iz knigi) // Pro et Contra. 1997. T. 2. № 2.
14. Khobsbaum E. Natsii i natsionalizm posle 1780 g. SPb, 1998.
15. Khor'kov M. L. Lichnost», identichnost» i istoriya: k probleme novoi legitimnosti starykh ponyatii // Vestnik Rossiiskogo universiteta Druzhby narodov. Seriya «Filosofiya». 2013. № 2. S. 98–114.